ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 801.318 (802.0:809.13)

А. В. Авидзба

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ПРЕВЕРБОВ В ЗАПАДНОКАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

В западнокавказских языках пространство (или локализация) и направленность действия находят отчетливое морфологическое выражение. В статье рассмотрены отличительные признаки превербов местного (локального) значения в этих языках. Анализу подвергаются сходства и различия в использовании локальных превербов между языками на различных уровнях: хронологическом, структурном, фонетическом, грамматическом, семантическом. Учтены имеющиеся результаты исследований по данной тематике, приведен значительный практический материал.

Ключевые слова: глагольное словообразование, локальная семантика, структура, глагольная основа.

A. V. Avidzba

ON THE FEATURES OF FUNCTIONING OF LOCAL REFERENCE PREVERBS IN WEST-CAUCASIAN LANGUAGES

In West-Caucasian languages the location and the direction of an action are expressed morphologically. The article considers the characteristic features of preverbs of local reference in these languages. Similar and distinctive features of usage of local preverbs among the languages are analysed at different levels: chronological, structural, phonetic, grammatical. The existing research findings are taken into account, a rather wide practical material is given.

Key words: verbal word formation, local meaning, structure, verbal stem.

Одним из продуктивных способов глагольного словообразования в западнокавказских языках является словообразование посредством локальных превербов. Высокая деривационная продуктивность достигается как богатством локальных превербов, так и их широкими производственными возможностями. Процесс этот живой и он активно способствует обогащению западнокавказских языков неологизмами. Во всех этих языках локальные превербы дополняют лексическое значение производящей основы семантикой локализации действия и направления действия по отношению к его локализации.

Однако в их материальной сущности с их семантикой, в их производительных возможностях в области способности сочетаться с корнем или производительной основой имеются как параллельные соответствия, так и расхождения. При этом параллельных соответствий больше в языках, входящих в одну генетическую подгруппу языков Западного Кавказа, а расхождения наблюдаются между группами.

Помимо этого, превербы западнокавказских языков различаются и в плане хронологии: наряду с древними западнокавказскими превербами (адыг., каб.: пэ-, гуы-, адыг.: чIъэ-, каб.: шIэ-, адыг., каб.: лъы-; абх.: п, абаз.: п-, абх.: гъ(ы), абаз.: гу-, абх.: 7, абаз.: цI, абх.: шь, абаз.: щ, убых.: ф-, гь-, лъ- и др.), имеются превербы, возникшие в более позднее время (адыг., каб.: пхыры-, пхыр: адыг.: сыпхырычIыгъ, каб.: сыпхыры-чIашъ «я прошел», адыг., каб.: бгъуыры-, бгъуыр: адыг., каб.: бгъуырылъын «лежать сбоку»; абх.: кыл(а), абаз.: кIыл(а): абх.: акыла8сра, абаз.: кIылапсра «умереть, задыхаться в от-

верстии, в щели»; абх.: шькла, абаз.: щкIла: абх.: ашьклахысра, абаз.: щкIлахысра «выстрелить, стрелять по ногам, вслед кому-л., чему-л.». Хронологически раличаются от абхазо-абазинской группы и некоторые превербы адыгско-убыхского ареала, сложившиеся на адыгско-убыхской основе: адыг., каб. блэ, убых. бл-, адыг., каб. пхы-, убых. пшь- и др.

М. А. Кумахов полагает, что адыгские превербы, в целом, охватывают следующие уровни: западнокавказский, адыгско-убыхский, общеадыгский (или протоадыгский) и уровень поздних адыгских (диалектных) инноваций [6, с. 229].

В структурном плане локальные превербы в западнокавказских языках делят на простые и сложные. Простые превербы более конкретно указывают на локализацию действия, чем сложные. Это происходит из-за того, что простой преверб способен однозначно выразить какое-либо конкретное местоположение, в то время как сложный (состоящий зачастую из двух простых превербов) привносит дополнительный оттенок указания на местоположение [3, с. 13].

Считается, что древними и первичными превербами, являются превербы простой структуры, а более поздними и вторичными – превербы сложной структуры. Последние возникли в период распада западнокавказского языкового единства (каб.-черк., адыг.: пэ-щIэ, лъэ-хэ, щIэлъыры-, хы-фIэ, Iэ-ры). Незначительное количество превербов относится к поздним инновациям, возникшим в период после распада общеадыгского и абхазо-абазинского языков. В основном, это производные превербы, состоящие из двух и более простых локальных превербов (пэшIуэ-, лъэхэ-, чIэлъыры- и др.).

В абхазском и абазинском языках большинство локальных превербов по структуре простые. В абхазском языке они зачастую представлены одной согласной фонемой: г, д, н, къ, 8, р: ад=ащъалара «привязать что-л. рядом, около чего-л.», адяьалара «прирасти к чему-л., срастись с чем-л., присохнуть», абъбылгьара «катиться по поверхности», абъхра «снять что-л. сверху, с поверхности чего-л.» и др.

Основная же масса простых превербов представляет собой открытый слог, состоящий из согласного и гласного **а**. У превербов с исходом на гласный **а** в зависимости от выполняемой ими функции выражения направления **а** редуцируется: при полной редукции **а** переходит в **0** звука, при частичной – в **ы**. Таким образом, один и тот же преверб может реализовываться как с гласным **а**, так и без него: ва // вы // в, ла // лы // л, 7а // 7ы // 7, шьа // шьы // шь: абх.: ава0йъацра «взорваться сбоку, рядом с кем-л., чем-л.», авцара «прогнать, прогонять из-за чего-л., с какой-л. стороны», алахысра 1) «произвести выстрел в гущу чего-л.», 2) «выстрелить в группу людей, животных и т. д.», ал7ра «выйти, выходить откуда-л.» и др.; или из двух согласных и гласного **а**: г=а // г=(ы), яра // яр(ы), эщъа // эщъ(ы), и др.: аярасра «ударить в область живота», аяражьра «бросить что-л. (большое) на живот кого-л., чего-л.», аэщъгара «убрать то, что стоит подле очага», аэщъыхра «вытаскивать из очага что-л.».

В абазинском языке выделяют следующие структурно-фонетические типы: CV: кIа, шIа: кIагвара «повалить, валить что-л.; побороть кого-л., что-л.», шIабылра «сжечь, обжигать на склоне (горы)»; CCV: бжьа, щтIа: бжьагылра «встать, вставать между кем-л., чем-л.», щтIапсара «рассыпать что-л. (по поверхности земли)»; CVC: быжь, гIвын: быжьпIлара «высыпаться между кем-л., чем-л. (о мелких предметах)» и др.

Сложные превербы зачастую состоят из двух простых или представляют собой сочетание простого преверба с тем или иным компонентом (корнем) имени: абх.: *гъыла* // *гъыл*, абаз.: *гвы-ла* // *гвы-л*, где *гъ(ы)*, *гв(ы)* – «сердце», *ла* – преверб, означающий нахождение или действие в однородной массе: абх.: *агъыла8шра* «посмотреть, взглянуть внутрь чего-л.», абаз.: *гвылапсара* «насыпать что-л. во что-н.»; абх.: *дъыбъ* где дъ «поле» сочетается с *бъ* «макушка, вершина»: *адъыбълара* 1) «отправиться, отправляться», 2) «выйти в поле». Вариантом этого преверба в абазинском языке является *джы-кв(ы),* где второй компонент выступает со значением «верх, верхушка», а слова джы в значении «поле» в абазинском языке нет. Несмотря на это «в абазинском широко применяется преверб *джв(ы)*, восходящий к абхазскому адъы «поле» [3, с. 32]: *джы-ква-ра* «унести кого-л., что-л. (со двора, из дома, помещения)».

В адыгейском и кабардино-черкесских языках выделяют следующие структур-

но-фонетические типы локальных превербов, унаследованных от общеадыгского хронологического уровня:

SV: *дэ-*: адыг.: *хатэм дэ-хьагъ* «зашел в огород», каб.: *пIшIантIэм дэ-сын* «сидеть во дворе»; *йы-*: адыг., каб.: *матэм йы-сын* «сидеть в корзине» *хэ-*: адыг., каб.: *псым хэ-сын* «сидеть в воде»; SSV: *блэ-*: адыг., каб.: *блэ-чIы-н* «идти мимо», *къуэ-*: адыг.: *ккъуэ-лъ*, каб.: *къIуэлъшъ* «лежит в углу»; SVSV: *кIуэ-цIы-*: адыг.: *кIуэцIы-с,* каб.: *кIуэцIы-с-шъ* «(он) сидит внутри», *къIэпы-*: адыг.: *Iэпы-зын*, каб.: *Iэпы-хуын* «уронить из рук», *къIэчIъэ-*: адыг.: *Iэчlэ-куэн* «сунуть в руку», каб.: *Iэшlы-з-о-лъхьэ* «я кладу ему в руки»; SSVSV: *шъхьэры-*: адыг.: *шъхьары-зын*, каб.: *шъхьэра-хуы-н* «упасть с головы», *бгъуыры-*: адыг.: *бгъуыры-шIагъ* «(он) пристегнут сбоку», каб.: *бгъуыры-лъы-н* «лежать сбоку»; *шъхьэдэ-*: адыг.: *шьхадэ-чIын*, каб.: *шъхэдэ-чIын* «перейти через что-то»; SSVSVSV: *шъхьэпыры-*: адыг., каб.: *шъхьэпыры-чIы-н* «пройти над кем-л., чем-л.»; SVSVSV: *кIуэцIыры-*: адыг.: *кIуэцIыры-с-фы-гъ*, каб.: *кIуэцIыры-с-ху-а-шь* «я прогнал через что-то»; SVSSVSV: *зэбгыры-*: адыг.: *зэбгыры-зын* «развалиться, рассыпаться», каб.: *зэбгыры-х!* «разноси!».

Ж. Дюмезиль по степени абстрагированности делит превербы убыхского языка на «детерминанты» и собственно локальные. По его мнению, детерминанты – это субстантивы, которые сохраняют в прямом или переносном смысле свое исконное значение и не требуют личных показателей. Локальный же преверб обязательно требует постановки личного показателя, и он тоже восходит обычно к субстантиву, употребляемому или застывшему в словосочетаниях. Однако Дюмезиль считает, что строгого разграничения между локальными превербами и детерминантами нет. Одни и те же превербы выступают как в роли локальных превербов, так и в роли детерминантов, например: гьы «сердце» и преверб «на» [16, с. 105].

Зачастую в зависимости от фономорфологического окружения локального преверба изменяется вариантная форма основообразующей морфемы, причем фонетическим изменениям подвергается гласный элемент. Как, например, в кабардино-черкесском: в словоформах *хэ-дзэн* (бросить что-то во что-либо», *хы-з-о-дзэ* «я бросаю что-то во что-либо», *х-и-дз-а-щ* «он бросил что-то во что-либо» элементы *хэ-*, *хы-, х* – являются вариантами одной морфемы, при этом основной формой принято считать вариант хэ- (ср. абх.-абаз.: *0а // 0ы // 0, та // т(ы); бжьа // быжь // бжь(ы)* и др.).

Локальные превербы употребляются с основами как динамических, так и статических глаголов, внося в глагольную основу значение локализации действия или состояния и локализацию направления действия. Еще П. К. Услар в своей работе «Абхазский язык», определяя функции некоторых превербов, отмечал, что они могут употребляться как основы глаголов и как превербы: *сы6ъуп* – «нахожусь на», *ахы сылоуп* – «пуля во мне находится», *сы6ътъоуп* – «сижу на», ашьац сылатъоуп – «в траве сижу» [12, с. 87].

Способность локальных превербов стать основой статических глаголов характерна лишь для абхазского и абазинского языков. Но встречаются такие превербы, которые самостоятельно не могут быть основами для статических глаголов: *а-ка-8хара* «светиться», *а-кIа-жьра* «бросать ч-л. большое» [2, с. 29–37].

Превербы адыгско-убыхского ареала характеризуются лишь статусом аффиксальных морфем, т.е. этим языкам не свойственны превербы-корни, выступающие в двоякой функции: в роли корневых морфем и префиксальных элементов (собственно превербов) в составе самостоятельных глаголов, как это имеет место в абхазском и абазинском языках. Это явление относится к «существенным признакам превербов, их структурного оформления и функционирования, отражающим несколько обособленно положение адыгско-убыхского ареала» [6, с. 232].

В динамических глаголах локальный преверб также присоединяется к корню глагола, в морфологическом отношении он является глагольной приставкой. Семантика локальных превербов, находящихся в основах динамических глаголов, дополняет основную лексическую семантику глагола, определяя локализацию выраженного им действия и тем самым изменяя ее. Семантика основы превербного глагола отличается от производящей настолько, что правомерно преверб считать деривационным формантом: абылра «гореть» – *а7абылра* «гореть под чем-то, подгореть» [14, с. 39].

Большинство локальных превербов в адыгейском языке встречаются как в дина-

мических так и в статических глаголах: *те-с* «сидит на»; *те-плэ* «смотрит на». Превербов, сочетающихся с динамическими глаголами меньше, это: *блэ-, лъэ-, Iэ-, блы-пкъы-, пх-, пхыр-, зэ-пы-р-, пэ-гъо-, кIэ-лъы-, шъхьэ-, шъхьэ-дэ-* сочетаются только с динамическими глаголами: *кIэ-лъы-кIуагъ* – «пошел следом за ним» [10, с. 116].

В адыгейском и кабардино-черкесском языках динамические и статические глаголы делят на первичные (т. е. с глагольными основами) и вторичные (т. е. образованные от основ имен) [10, с. 101]. Первичные динамические глаголы: адыг.: *ар мадэ* «он шьет», *ащ ар ежъо* «он пишет то», *ар мчъэ* «он бежит»; каб.-черк.: *сэ ар сотхы(р)* «я пишу (то)», *абы ар ешэ(р)* «тот ведет его», *сэ абы сожьэ(р)* «я жду его» и др. Вторичные (отыменные): адыг.: *ар мэ-пхъашэ* «он плотничает», каб.-черк.: *сэ сопхъащIэр* «я плотничаю» – от имени *пхъашэ* «плотник», адыг.: *мэ-у-плъыжьы* «он краснеет» – от имени *плъыжьы* «красный», каб.-черк.: *сэ сыдахэщ* «я красивый» – от имени *дахэ* «красивый» и т. д.

И в адыгейском, и в кабардино-черкесском языках количество первичных статических глаголов ограничено. Для первичных статических глаголов обычно характерно наличие значения превербов с локальным значением: каб.-черк.: *Iу-т-щ* «стоит (возле чего-н.)», *Iу-лъ-щ* «лежит (возле чего-н.)», *щIэ-т-щ* «стоит под».

Динамические глаголы встречаются как с превербами (каб.-черк.: *Iу-дэ-н* «обшивать», «пришивать», *хэ-тхэ-н* «вписать»), так и без них (каб.-черк.: *содэ* «шью, сожэ «бегу»).

Показательно, что для адыгско-убыхского ареала не характерны свойственные абхазскому и абазинскому языкам корни типа *т(а)*, *л(а)* и др., выступающие в роли корневых элементов статических глаголов и превербов в составе самостоятельных глаголов [1, с. 265].

Деление глагольных основ на связанные (несвободные, несамостоятельные) и несвязанные (свободные, самостоятельные) наличествует во всех современных западнокавказских языках. В абхазском и абазинском языках локальные превербы динамических глаголов, помимо употребления со связанными и несвязанными корнями, используются с корне-суффиксами: *ла, 7, 7а, х* (в абхазском языке) и с суффиксоидами: *жь, л, ха, цIа, х, цI, щт, да* (в абазинском). Л. П. Чкадуа к этой группе формантов относит и суффикс ха-, который присоединяется к локальным превербам, внося семантику «задержаться, застрять» [14, с. 14].

В адыгских языках связанные корни делятся на нейтральные и стабильные. От первых образуются как динамические, так и статические глаголы, от стабильных – динамические или статические глаголы. К общеадыгским связанным основам относятся *-сы, лъы-, -ты*, которые употребляются в сочетании с локальными префиксами. От них образуются как статические, так и динамические глаголы: адыг.: *сы-шьыс*, каб. *сы-шьыс-шь* «я сижу», адыг.: *сы-шьэсы,* каб.: *сы-шьос* «я просиживаю» [6, с. 130–132].

В семантическом плане локальные превербы классифицируются на конкретные и абстрактные. Абстрактная и конкретная семантика характерна как локальным превербам с простой структурой, так и локальным превербам со сложной структурой. Следует особо отметить, что превербы, семантика которых лишена конкретности, характеризуются высокой сочетаемостью. Такие превербы довольно абстрактно указывают на место действия или состояния, в то время как превербы с конкретной семантикой характеризуются меньшим производительным потенциалом.

Превербы, характерные всем диалектам абхазского и абазинского языков: абх.-абаз.: *гара // гар(ы)* ← *агара, гара // гар(ы)* ← *гара* «люлька»: абх.: *агара7ара* «положить, класть в люльку», абаз.: *гара-щщ-ра* «залезть в люльку», абх.-абаз.: *гъара // гъар* ← *агъара, гвара // гвар(ы)* ← *гвара* – «двор, ограда»: абх.: *агъарацалара* «пригнать, пригонять скот с пастбища, загонять скот во двор», абаз.: *гвара-ха-ра* «оставаться во дворе»: абх.-абаз.: *7а // 7(ы)* ← *а7а, цIа // цI(ы)* ← *уацIа* «дно, низ»: абх.: *а7ащара* «свалиться, упасть под что-н. (о большом предмете)»; абаз.: *цIа-гыл-ра* «стать, становиться подо что-л.» и др.

В то же время, имеются превербы, встречающиеся только в абазинском языке: *гIв(ы)* «мимо». В абхазском языке соответствует превербу *в(ы), дза* «сбоку кого-л., чего-л.»: *дза-был-ра* «гореть, сгореть сбоку» – в абхазском языке этому превербу соответствует преверб *ва-* «сбоку»; *къв(ы)* «от кого-л., чего-л. (отходить)»: *акъвкъьара* «отойти

быстро, убежать от кого-л., чего-л.» – в абхазском языке синонимичен превербу *л(ы), ры-кIь* сочетается с корнем *га-ра* «нести»: *арыкьгара* «передразнить, передразнивать кого-л., что-л.».

Превербы, характерные только для абхазского языка: *яы7а* обозначает локализацию или действие, проходящие в зимний период: *аяы7ра* «(б. ч. о скоте) перезимовать, прожить зиму», *ёаа* – обозначает нахождение или действие в воде: *аёаагылара* «стать в воде», *мяа* – обозначает локализацию действия выше кисти, на талии, на боку талии: *амяы7хра* – «вытащить из-за пояса».

Однако в полнозначных именах, трансформирующихся в местные превербы, Р. Х. Темирова отмечает расхождения между адыгскими языками и абазинским языком. Говоря о том, что в указанных языках имеются превербы, сохранившие генетическую связь с самостоятельными словами – прототипами (при этом абазинский язык значительно превосходит адыгские по количеству превербов, восходящих к именам – названиям частей тела), автор отмечает, что в абхазском и абазинском языках в отличие от адыгских в качестве локальных превербов выступают имена существительные, обозначающие понятия: гора, вода, дом, берег, очаг, ограда, двор и др. В адыгских же языках, по мнению Темировой, из подобного рода имен в превербы трансформировались только имена *къуэ в къуагъ* «угол» и *щIэ* «дно»: *къуэ* – «за, в углу», *щIэ* – «под» [11, с. 63–64].

Превербы адыгских языков: адыг., каб.: *пэ-, пы-, п-* «перед, против» ← общеадыг.: *пэ* «нос»: адыг., каб.: *пэ-плъэн* «ждать», *пыдэн* «пришить», адыг., каб.: *гуы- гуэ-, гу-* «рядом, сбоку» ← общеадыг.: *гуы* «сердце»: адыг., каб.: *гуэтын* «стоять рядом», *гуэчIын* «отойти сбоку», адыг., каб.: *лъэ-, лъы-, лъ* «вслед, за» ← общеадыг.: *лъэ* «нога»: адыг: *сылъэIэсыгь*, каб.: *сылъэIэсашь* «я достал, достиг /рукой/», адыг.: *лъидзыгь* «/он/ бросил вслед», каб.: *лъихашь* «он снял с ноги», адыг., каб.: *блэ-, блы-, бл-* «мимо, рядом, поблизости» ← общеадыг.: *блэ* «часть руки от плеча до кисти»: адыг., каб.: *блэчIын* «идти мимо».

Имеются и такие локальные превербы, которые, вследствие фонетических и семантических изменений утратили связь со словами, от которых они образовались, они лишены прозрачной этимологии: абх.: *йъ(а)* (вводит в основу значение отчуждения от чего-л.): *айъкра* «избавить кого-л. от кого-л.»; *айъйьара* 1) «отколоть что-л. от чего-л.», 2) «отбить кого-л. от чего-л.», *м(а)* (в основном выступает как основообразователь с указанием на некоторую массу чего-либо): *амахара* «задержаться, задерживаться»: *дамахеит* «он где-то задержался (завяз)», *хь // хьа* – образует основы со значением действия, направленного позади, сверху вниз, в сторону: *ахьа8шра* «оглянуться, оглядываться назад или по сторонам», ахьащъра «обернуться, оборачиваться в сторону говорящего» [8, с. 44–45]; абаз.: *къа* «место»: *къачIвахра* «спрятать, прятать кого-л., что-л.», абх.-абаз.: *у(ы)* «от одного места (отпустить)»; абх.: *аужьра* 1) «отпустить, отпускать», 2) «ослабить, ослаблять, сделать менее стянутым, менее натянутым», 3) «освободить, освобождать» и др.; абаз.: *аущтра* 1) «отпустить кого-л., что-л.», 2) «бросать, кидать кого-л., что-л.»; 3) «выпустить кого-л., что-л.»; абх.-абаз.: *н(ы)* «ограниченная поверхность чего-л.»: абх.: *ан7ара* «положить, класть что-л. на что-л плоское», абаз.: *анпIлара* «сыпаться на ограниченную поверхность чего-л. (о сыпучих и легких предметах)» и др.; общеадыг.: *дэ-, йы-, хэ-*, которые образуют основы со значением действия, движения внутри или изнутри предмета. В то же время каждый из них употребляется с определенной группой имен существительных: адыг.: *шьагуым дэсын*, каб.: *пIшIантIэм дэсын* – «сидеть во дворе», адыг., каб.: *матем йысын* «сидеть в корзине», псым хэсын «сидеть в воде».

Некоторые превербы, представленные во всех западнокавказских языках, характеризуются общей семантикой в адыгейском и убыхском языках, отличной от семантики в абхазском и абазинском языках: адыг. (шапс.) *гуэ-, убых. гьы-* в значении «на»: *шапс. сыгуэсы, убых. сыгьысы* «сижу на чем-то» (ср. *шапс. шьым сыгуэсы* «сижу на лошади) [6, с. 222].

Особенностью кабардино-черкесского языка является то, что выражение места максимально дифференцировано, например: *тепщэчым и-лъы-н* «лежать в тарелке»: *шкафым дэ-лъы-н* «лежать в шкафу»; *дагъэм хэ-лъын* «лежать в масле»; *унэм щIэ-лъы-н* «лежать в комнате»; *шхыIэным кIуэцIы-лъы-н* «лежать в одеяле». Из при-

меров видно, что положение внутри разных предметов выражается различными предметами [1, с. 259].

Интересно, что в адыгских языках локальные превербы всегда увеличивают количество лиц в глаголе, в то время как в абхазском языке имеются как превербы, изменяющие количество лиц глагола, так и не увеличивающие и не влияющие на число личных показателей глагола [9, с. 89; 2, с. 29–37].

Превербы места, присоединяясь к глаголу, могут увеличить число его лиц; так одноличный статический глагол может стать двухличным, абсолютная субъектная форма глагола – стать относительной, субъектно-объектной; *сэ-учу* «я становлюсь», но *сы-б-го-уцо* «я рядом с тобой становлюсь».

В переходных глаголах локальный преверб находится перед личным показателем субъекта, превербы направления *къэ-* и *нэ-* находятся впереди локальных превербов [10, с. 116]: *къы-хэ-плъы-гъзх* «(они) выглянули сюда из».

Противопоставление иллативных (аддитивных) и элативных (абитивных) основ с помощью аблаутных чередований в локальных превербах с исходом на **а** широко используются в абхазском и абазинском языках. Выбор направления зависит от огласовки преверба. При сохранении исходной огласовки мы имеем глагол с аддитивным направлением, редукция исходного вокала преверба дает абитивное направление. При этом редукции подвержены как простые локальные превербы, так и сложные, редукция проявляется как в сочетании с корне-суффиксами (или с суффиксоидами), так и со связанными и свободно существующими корнями: абх.: *алажьра* 1) «(о большом предмете) бросить что-л. в какую-л. массу, скопление» – *алхра* «извлечь, извлекать, вытащить, вытаскивать что-л., кого-л. из чего-л.»; *ад7ара* 1) «приложить, прикладывать», 2) «обшить, обшивать, обить, обивать (досками, листами железа, фанерой и т. п.)» – *ад7ра* 1) «отойти, отходить от кого-л., чего-л.», 2) «отклеиться, отклеиваться, отвалиться, отпасть, отпадать, отделиться, отделяться»; абаз.: *кӏы-лажь-ра* «пустить кого-л., что-л. в отверстие, в полое место» – *кӏы-л-х-ра* «снять, убрать кого-л., что-л. из отверстия, из щели», *а-лагыл-ра* «встать, стать в однородную массу» – *а-л-га-ра* 1) «вынести, выносить кого, что-л. из чего-н.», 2) «провести (линию, борозду)»; каб.-черк.: *те-Іуэнтӏэ-н* «завернуть туда» – *те-Іуэнтӏы-кӏы-н* «повернуть оттуда», *дэ-Іуэнтӏэ-н* «завернуть, свернуть куда-л.» – *дэ-Іуэнтӏы-к Іы-н* «выехать за», *хэ-шие-н* «протянуть кого-л., что-л. в какую-л. массу» – *хэ-шии-кӏын* «вытянуть кого-л., что-л. из какой-л. массы».

Из примеров видно, что локальный преверб обозначает локализацию действия, а аблаут – направление действия. Таким образом, достигается строгая функциональная разграниченность локального преверба и аблаута.

Л. П. Чкадуа отмечает, что локальные превербы, представленные согласной фонемой или с согласным исходом, функционируют без вариантов, с грамматическим значением места действия и состояния, указание на направление действия отсутствует [13, с. 44].

В качестве специального выразителя направления действия по отношению к его локализации используются суффиксы **аа**, **ла** [8]. Они присоединяются к превербным основам глагола, при этом ла выражает иллативное направление: агъыдщъалара «подвесить, подвешивать руку на перевязь», а суффикс **аа** – элативное направление: *аха8раара* «летать, лететь над чем-л.», *ахыканёаара* «(сверху) завянуть, вянуть, увядать».

Ученые полагают, что аблаутное чередование в локальных превербах абхазского и абазинского языков как средство выражения противоположных направлений возникло на почве абхазско-абазинского языкового единства, а аблаутное чередование корневой морфемы – в период адыгейской и кабардино-черкесской языковой общности [4, с. 20–28].

Основа, оформленная кратким гласным **ы** или нулевой огласовкой, характеризуется одинаковой функцией – указывает на центробежное (элативное) направление. Однако следует отметить, что в абхазо-абазинских языках направление действия выражается огласовкой превербов, а в адыгских языках – флексией основы [2, с. 31]. Как правило, чередование гласных используется в адыгских языках для выражения направления в основах типа локальный преверб + корневой морф.

При этом З. Ю. Кумахова и М. А. Кумахов подчеркивают, что в абхазском и абазинском

языках аблаутные чередования закреплены за локальным превербом и корневым морфом (корне-суффиксом), тогда как в адыгских и убыхском языках они характерны лишь для корневого морфа (основы) [4, с. 20–28].

Как отмечала К. В. Ломтатидзе, переход *а > ы > нуль* отмечается не только в локальных превербах, но и в корневых морфах (корне-суффиксах). При этом в корне-суффиксах, как и в локальных превербах, огласовка **а** характерна для адитивных форм, а нулевая огласовка **ы** – для абитивных форм. В адыгских языках огласовка **а**, имеющая место в локальных превербах абхазского и абазинского языков и их диалектов, по своей функции соответствует огласовке **э** или **ы**. Формы на э указывают на движение внутрь, а на **ы** – движение наружу [15, с. 40]. Эти чередования гласных рассматриваются исследователями как архаическая черта абхазо-адыгских языков [17, с. 199].

В кабардино-черкесском языке выделяют два типа аблаута: **ы:э** – для превербных глаголов и **э:ы** – для суффиксальных образований. Огласовка **э** характеризует корневую морфему бессуфиксальных моделей, а огласовка **ы** связана с суффиксальной морфемой – *кI* [1, с. 273].

В превербных основах убыхского языка в целях противопоставления центробежных и центростремительных основ также отмечается механизм аблаутных чередований, хотя он менее выражен по сравнению с другими западнокавказскими языками. И здесь в превербных образованиях корень с огласовкой ы (или нулем) указывает на центробежное направление, как то свойственно другим западнокавказским языкам: *-mIy(ы): -mIya* в *сы-гъы-mIуы-н* «я выхожу» (из огороженного места», *а-mIуа-н* «то свертывается» (о молоке) [16, с. 32–33].

В целом же превербные основы глагола обнаруживают функциональную связь с аблаутными чередованиями гласных во всех западнокавказских языках. Хотя аблаут действует с разной степенью интенсивности и регулярности в разных западнокавказских языках, последние объединяются тем, что чередования гласных используются для выражения направления в превербных основах.

Итак, распад общего западнокавказского языка ознаменовался отделением сначала абхазо-абазинской языковой общности. Адыгско-убыхская языковая общность определенное время представляла собой единую языковую общность. Отделение адыгско-убыхского языка (который соответствует периоду самостоятельного существования отдельных западнокавказских языковых единиц) от абхазского объясняется как сохранением ряда архаичных черт, характерных для единого западнокавказского языка, так и образованием новых явлений в области фонетики, грамматики и лексики [7, с. 253–254].

Категория превербов не подверглась значительным изменениям в структурном плане. М. А. Кумахов предполагает, что в этом отношении современные западнокавказские языки продолжают состояние языка-основы, сохраняя дистрибутивные признаки локальных и направительных превербов. В подтверждение вышесказанного ученый приводит тот факт, что во всей группе языков в синтагматике морфем направительный преверб предшествует локальному превербу, последний предшествует каузативному префиксу и следует префиксу союзности или взаимности. Такая строгая иерархичность, как подчеркивает исследователь, характерна для всех абхазо-адыгских языков [6, с. 229]. Можно также добавить, что все западнокавказские языки объединены тем, что глагольные образования с локальными превербами, помимо выражения локальности действия, выражают и направление действия.

В заключение подчеркнем: несмотря на то, что в нынешнем состоянии языков выявлены некоторые расхождения (отсутствие корне-суффиксов в адыгских языках, вторичность функции направления у локальных превербов в абхазо-абазинском языке и др.), налицо общая тенденция развития, основные структурные типы глагольной основы в абхазско-адыгских языках совпадают.

Литература

1. Кабардино-черкесский язык. Т. I. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис / гл. ред. М. А. Кумахов. Нальчик: Эль-фа, 2006. 548 с.

2. Керашева З. И., Чкадуа Л. П. Направительные превербы и суффиксы в абхазо-адыгских языках // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках / ред. Н. Т. Табулова, Р. Х. Темирова. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Черкесское отделение, 1983. С. 29–37.

3. Клычев Р. Н. Локально-превербное образование глаголов абазинского языка. Черкесск: Аджьпа, 1994. 160 с.
4. Кумахова З. Ю., Кумахов М. А. О превербах и превербных основах в абхазско-адыгских языках // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках / ред. Н. Т. Табулова, Р. Х., Темирова. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Черкесское отделение, 1983. С. 20–29.
5. Кумахов М. А. Теория генеалогического древа и вопросы дифференциации западнокавказских языков // Вопросы языкознания. 1976. №3. С. 47–58.
6. Кумахов М. А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 384 с.
7. Кумахов М. А. Очерки общего и кавказского языкознания. Нальчик: Эльбрус, 1984. 326 с.
8. Ломтатидзе К. В. К структуре сложносоставных глагольных основ в абхазском языке // Иберийско-кавказского языкознания. 1953. Т. IV.
9. Ломтатидзе К. В. Основные виды локальных превербов в абхазском и абазинском языках. Резюме. Тбилиси: Мецниереба, 1982. 101 с.
10. Рогава Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка. Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966. 463 с.
11. Темирова Р. Х. Об одном превербе места в кабардино-черкесском и абазинском языках // Вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкессии. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1984. С. 62–68.
12. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1887. 302 с.
13. Чкадуа Л. П. Глагольное словообразование в абхазском языке. Сухум: Академия наук Абхазии, АбИГИ им. Д. И. Гулиа, 2005. 303 с.
14. Чкадуа Л. П. Избранные труды. Т. II. Сухум: Дом Печати, 2012. 443 с.
15. Шакрыл К. С. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми: Абгосиздат, 1961. 171 с.
16. Dumezil G. Le verbe Oubykhs. Etudes ed scriptives et comparatives. Paris: Imprimerie Nationale, 1975.
17. Kuipers A. H. The North-West Caucasian Languages // Analecta slavica. Amsterdam, 1955. P. 193–206.

References

1. Kabardino-cherkesskij jazyk. Vol. I. Sozdanie pis'mennosti, fonetika i fonologija, morfologija, sintaksis / gl. red. M. A. Kumahov (*Kabardian-Circassian language. V. I. Creation of writing, phonetics and phonology, morphology, syntax*). Nal'chik: Jel'-fa, 2006. 548 p. (In Russian).
2. Kerasheva Z. I., Chkadua L. P. Napravitel'nye preverby i suffiksy v abhazo-adygskih jazykah (*Directional preverbs and suffixes in Abkhazian-Adyghe languages*) // Sistema preverbov i poslelogov v iberijsko-kavkazskih jazykah (*Preverbs and postpositions system in the Ibero-Caucasian languages*) / ed by N. T. Tabulov, R. H. Temirov. Cherkessk: Stavropol book publishing house, Circassian branch, 1983. P. 29–37. (In Russian).
3. Klychev R. N. Lokal'no-preverbnoe obrazovanie glagolov abazinskogo jazyka (*Local-preverb formation of verbs in Abaza language*). Cherkessk: Adzh'pa, 1994. 160 p. (In Russian).
4. Kumahova Z. Ju., Kumahov M. A. O preverbah i preverbnyh osnovah v abhazsko-adygskih jazykah (*On preverbs and preverb stems in Abkhazian-Adyghe languages*) // Sistema preverbov i poslelogov v iberijsko-kavkazskih jazykah (*Preverbs and postpositions system in the Ibero-Caucasian languages*) / ed by N. T. Tabulov, R. H. Temirov. Cherkessk: Stavropol book publishing house, Circassian branch, 1983. P. 20–29. (In Russian).
5. Kumahov M. A. Teorija genealogicheskogo dreva i voprosy differenciacii zapadnokavkazskih jazykov (*The theory of genealogical tree and issues of differentiating of West-Caucasian languages*) // Voprosy jazykoznanija. 1976. No. 3. P. 47–58. (In Russian).
6. Kumahov M. A. Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika adygskih (cherkesskih) jazykov (*Comparative-historical grammar of Adyghe (Circassian) languages*). Moscow: Nauka, 1989. 384 p. (In Russian).
7. Kumahov M. A. Ocherki obshhego i kavkazskogo jazykoznanija (*Studies of general and Caucasian linguistics*). Nal'chik: Jel'brus, 1984. 326 p. (In Russian).
8. Lomtatidze K. V. K strukture slozhnosostavnyh glagol'nyh osnov v abhazskom jazyke (*On the structure of compound verb stems in Abkhazian language*) // Ibero-Caucasian linguistics. 1953. T. IV. (In Russian).
9. Lomtatidze K. V. Osnovnye vidy lokal'nyh preverbov v abhazskom i abazinskom jazykah (*The main types of local preverbs in Abkhazian and Abaza languages*). Summary. Tbilisi: Metsniereba, 1982. 101 p. (In Russian).
10. Rogava G. V., Kerasheva Z. I. Grammatika adygejskogo jazyka (*Grammar of Adygei language*). Majkop: Krasnodar Book Publishers, 1966. 463 p. (In Russian).
11. Temirova R. H. Ob odnom preverbe mesta v kabardino-cherkesskom i abazinskom jazykah (*On one preverb of place in Kabardian-Circassian and Abaza languages*) // Voprosy leksiki i grammatiki jazykov narodov Karachaevo-Cherkessii. Cherkessk: Karachay-Cherkessia book publisher, 1984. P. 62–68. (In Russian).
12. Uslar P. K. Jetnografija Kavkaza. Jazykoznanie. Abhazskij jazyk (*Ethnography of the Caucasus. Linguistics. The Abkhazian language*). Tiflis: Printing Office of the supreme commander of the civil part of the Caucasus, 1887. 302 p. (In Russian).

13. Chkadua L. P. Glagol'noe slovoobrazovanie v abhazskom jazyke (*Verb word-formation in Abkhazian language*). Suhum: The Academy of Sciences of Abkhazia, Abkhazian Institute of Humanitarian Studies named after D.I. Gulya, 2005. 303 p. (In Russian).
14. Chkadua L. P. Izbrannye trudy. (*Selected works*). Vol. II. Suhum: Dom Pechati, 2012. 443 p. (In Russian).
15. Shakryl K. S. Affiksacija v abhazskom jazyke (*Affixation in Abkhazian language*). Suhumi: Abgosizdat, 1961. 171 p. (In Russian).
16. Dumezil G. Le verbe Oubykhs. Etudes ed scriptives et comparatives (*The Ubykh verb. Descriptive-comparative studies*). Paris: Imprimerie Nationale, 1975. (In French).
17. Kuipers A. H. The North-West Caucasian Languages // Analecta slavica. Amsterdam, 1955. P. 193–206.

УДК 81.373

В. А Атаян

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ НОСИТЕЛЯ ЭДИССИЙСКОГО ЭТНОРЕГИОЛЕКТА

В статье рассматриваются вопросы, связанные с определением региональной специфики языковой личности. Автор, опираясь на известные положения теории языковой личности и персонологии, формулирует ряд типологических признаков языковой личности жителя армянского села Эдиссия Ставропольского края, расположенного в русскоязычном территориальном контексте. Основные акценты делаются на этнической и региональной составляющих данного языкового феномена. В словаре эдиссийского этнорегиолекта представлено современное речевое пространство, в котором при доминировании русской письменной традиции устная форма общения основана на динамическом равновесии русскоязычной и тюркоязычной составляющих, постепенно нарушающемся в пользу русского языка. Процессу стихийного «языкового обрусения» способствует отсутствие у эдиссийского этнорегиолекта письменной формы.

Ключевые слова: языковая картина мира, Эдиссия, этнорегиолект, языковая личность, билингвизм, фольклор.

V. A. Atayan

ON LINGUISTIC PERSONA OF EDISSIAN ETHNOREGION SPEAKER

The article defines the regional specificity of the language persona. With the reference to the theory of linguistic persona and personology the author specifies a number of typological features of the linguistic persona of a resident of an Armenian village Edissa Stavropol Territory, located in the Russian-speaking territorial context. Emphasis on ethnic and regional components of this linguistic phenomenon is made. The dictionary of edissian ethnoregion speech represents up-to-date space in which, under the dominance of Russian literary tradition, an oral form of communication incorporating the dynamic equilibrium of the Russian and Turk components, which is gradually violated in favor of the Russian language. The process of natural «linguistic Russification» contributes to the lack of edissian ethnoregion written form.

Key words: linguistic picture of the world, Edissa, ethnoregion, linguistic identity, bilingualism, folklore.

Язык любого народа есть основа его национальной культуры; сохранение и развитие языка следует рассматривать как проблему общегуманитарную – культурную, нравственную, экономическую, юридическую и т. д.

В современном многополярном мире особенно важно учитывать, что культурная, духовная и языковая составляющие социума взаимодополняют друг друга в этнолингво-гуманитарном плане. Многонаци-